

ПОЭЗИЯ

ПОЭТЫ САРАТОВА

Провинциальное воскресенье

Сочувствуя судьбине вдовей,
Поедешь в гости к тетке скучной...
Но пахнет яблоками в доме, -
Как сад в мечте твоей воздушной -
Еще печальней и медовей.

Спас яблочный - похолодало,
Купальщики в гусиной коже.
И яблоки - а их навалом -
Рассыпаются в прихожей
На стеганное одеяло.

На кухне каждый винт завинчен.
Оберегая нежность пальца,
И капли крови нож не вычтет -
На милость Кухонного Спаса
Так полагаются привычно.

Из шкафа достается скатерть;
Замедленна минута мгновенность,
Тепла их длительность и странность,
И день, рассчитанный на вечность,
Во всю длину уже растянут.

В соборе жизни, на миры разбитом
Струилась речь, сверкали небеса,
Планеты шли по выбранным орбитам,
И млечная тянулась полоса.

А в городе по вышнему велению
Стояла драгоценная зима -
От бриллиантов слепло населенье
И ювелиры прыгали с ума.

В искрящихся и пристальных пространствах
Жгли фонари, вдали мерцал вокзал.
В беспамятстве подкатывавший транспорт
Вдыхал толпу и двери закрывал.

В ладьях с глухими звездами на окнах.
Качался гул. Дракон сплоченных масс
Скреб варежками плотный белый кокон,
Разглядывая мир через алмаз.

И в морок льда вливая нежность следа,
Лепился вечер в хрупких озерцах,
И шел, играя кубиками света,
По горло в бриллиантах и слезах.

• • • • •

Баллада об уходящем времени

Только чайник, натертый до тусклого блеска
едкой содой, а также стены арабеска,
или, может, окно, а на нем занавеска,
или шкаф для посуды со всем содержимым
придают бытию неизменность и прочность.
Прорисовано время, как почерк с нажимом,
на различных предметах. Но их краткосрочность
не чета краткосрочности жизни людской,
незаметно текущей к черте городской.

Вот вам хлеба ломоть и пустая солонка,
звук горящего газа, собака болонка,
шкаф посудный с торчалим из дверцы ключом,
снега белое дерево в окнах. Однако
мы пейзаж с натюрмортом скрестили. Собака
здесь, пожалуй, совсем не причем.

Так начнем же сначала. От мысли исходной
ничего не осталось. И ордер расходный
мы спеша заполняем в тоске безысходной –
нам кассир выдает шелестящее время
и поводит крылами в окошечке кассы.
Дома ждет нас вещей разномастное племя –
вот посуда из глины, стекла и пластмассы,
пара стульев потертых и снег за окном,
незаметно растущий в пространстве ином.

И опять окружает знакомая местность
человека, на жизнь получившего ссуду,
он уже ощущает тоски неуместность,
напевает, в порядок приводит окрестность –
взглядом трогает вещи, стоящие всюду,
с окон пыль вытирает и моет посуду,
снова чувствует пищи соленость и пресность,
пряность времени, жизни своей остроту,
шаткость шкафа посудного, стен пестроту.

А еще замечает, внезапно прозрев,
снег, растущий за окнами в форме деревьев,
жизни прошлой окружность и хорду,
видит он, над горелкой ладони согрев,
постаревшей собаки кудрявую морду,
ключ от шкафа посудного в правой руке,
две разбитых тарелки, дыру в потолке,
из которой торчит электрический провод...

Я использую это прозренье как повод
для того, чтобы вернуться на круги своя:
есть, как видно, такие подробности быта,
за которыми время текущее скрыто
и впритык сведены разных истин края.
Вот за этой плитой и за этой горелкой,
за солонкой пустой, за посудою мелкой,
за стеной, за ее потемневшей побелкой –
всюду жизни исчезнувший след.
И видна за окном, за небесным порогом
часть пространства, которая занята Богом,
а тебе, человеку, да будет итогом
только время, которого нет.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

I

Со мной ведется странная игра:
сидит пчела на кончике пера,
а на плече тоскует филомела,
и к Магомету движется гора
для приобщенья к теплым тайнам тела.
Вот дерево растет. На нем – омела
в короне ягод белых. И кора
землею стала. Если б я умела
жизнь поглощать, как черная дыра,
я б выросла, и сделалась стара
и потеряла все, что я имела,
и гладила бы дерево, как тело
усталое вдоль нежного ствола.

2.

Хвала ветвям и листьям, и хвала
худым корням, бредущим по дороге
с упрямством деревенского вола
к худой реке, чьи берега пологи;
в реке вода танцует, как юла,
уничтожая плоть свою в итоге
движений безрассудных. Так смела
и я была когда-то — я спала,
вокруг меня соединялись слоги
в слова простые, и объятий мгла
произрастала в слове и цвела.
Во сне я слову поклонилась в ноги.

3.

Все, что хранится в мертвом бычьем роге
и в крохотном растительном ларце,
и в бабочке — печальной недотроге,
в ее летящем маленьком лице,
и в голубе, лежащем на пороге,
в шкатулке мака, в вести об отце,
идущем по сияющей дороге,
все, что зажато в Божией руце,
печатью состраданья и тревоги
отмечено. Так в жертвенном тельце
играет кровь. Но он уже в конце
пути — он у подножья треноги.

4.

Вот так и мы вернулись в отчий дом,
прошли сквозь нас неведомые воды,
но раны их не затянулись льдом
и не погибли ангелы свободы,
и тот, кто вел меня, — тот мноз ведом.
Мы миновали горные породы
внутри пещер раскатистых, как гром,
нас провожали сойки и удоды,
и цапли. Нам скворцы читали оды.
Но как приставший к берегу паром,

в молчанье дня остановились годы.

5

И нашим детям ведом тайный стыд,
то накопленье первобытной тяги,
с которой тела обнищавший скит
стоит, сутулясь, у подножья влаги.
Его душа не плачет и не спит,
не просит смерти в приступе отваги,
но словно скальд, в сетях беззвучной саги
запутавшийся, падает на щит,
и белые выбрасывает флаги,
и оставляет слово на бумаге,
как сладкие горошины лущит.

6

И ты, мой брат, не помнящий родства,
ко мне вернулся, но играешь в прятки,
как ангел накануне Рождества
на бедном платье расправляет складки,
любви вредит избыток мастерства,
любовь не крест, а только тень креста,
и в воздухе колеблется листва,
плывут ее телесные остатки
в бессмертное томление вещества,
и губы листвьев холодны и сладки.

7

И губы листвьев холодны и сладки,
как ходны и сладки облака,
они плывут, их память коротка,
их не томят земные неполадки,
на мельнице рассыпана мука,
и улей спит внутри пчелиной матки,
и знания чудесные зачатки
в себе скрывает дерева рука,
и из молчанья, как из тайника,
нам явлен мир подобием загадки
в непостижимой маске языка.

З И М А

В роскошном осени обозе
красив морщинистый отряд
сухой рябины на морозе,
и снег валит, как строчки в прозе
полуошибленно, подряд...

И до чего ж я жизни рад,
когда сугроб беру в охапку,
когда восторженно горят
столбов заснеженные шапки,
и все собаки, вздернув лапку,
стоят в скверу за рядом ряд.

Я пьян от жизни, ибо есть
вино в ее дыханье влажном,
наркотик в шорохе протяжном,
когда под кошкой гнется жесть
на домике одноэтажном.

Я обожаю мандарин,
который выскочил из сетки
моей задумчивой соседки,
и пылит в небо как кретин
зеленый пуп своей манжетки.

Идешь как рубль меж людей,
тебя все любят и боятся
к тебе небрежно прикасаться,
а ты шуршишь одеждой всей,
боясь меж ними затеряться.

И видишь спичек коробок —
помятый вид, потертый бок —
лежит с наклейкой неизменной...
и вдруг на ней лицо Елены,
от ветра волосы чуть вбок,
и на тебя глядит надменно.

С Е Л Е Н А

Она — трагический объем,
уложит спать, расчешет косы
и превратится в лунный шторм,
волнами бьющий по откосам.

— Ну как, скажи, тебе спалось?
Твоя ли жизнь тебе приснилась,
когда узлом огромных кос
луна над миром наклонилась?

Под солнцем люди мучат нас,
а под звездой луна так близко
и бесконечно смотрит в глаз
холодным взглядом василиска.

В густой русалочьей ночи
махнет хвостом — и знай как звали! —
на дне реки под свет свечи
танцует в белом покрывале,

рукою плавно поведет —
и корабли в пучину тянет.
простую песенку споет —
и мчится буря в океане,

и дремлют древние клады,
пока не топнет в землю ножкой,
их превратит в туман и дым
и ту же лунную дорожку...

Над женской силой Бога нет,
как, впрочем, нет Его и выше.. —
ложимся спать и гасим свет,
и дождь руками бьет по крыше.

А мы вопросы задаем,
терзаем мир, в котором просто
живет трагический объем
и в нем — ответы без вопросов.

• . •

• • •

За мной придут.. а я их поведу,
смотрите – Рим! – вот здесь стоял Тиберий!
Сквозь тысячи преданий и поверий
мы видим жизнь хотя бы и в аду.

Я в Лондоне им Старый кэб найду
и повезу в Вестминстер на могилы
Елизаветы, Стоартов, Шекспира,
и нищего при входе обниму –

Ах, сантименты! Вот эскориал
и Гойи тень и пыль на gobеленах..
Ах, господа, мы в десяти коленах
забыли дух, который нас создал.

Ловите миг, вот он, Кецалькоатль
и древний Кито и конкистадоры
наследники! вы потеряли шпоры,
а с пешими не дружит эта даль.

Хотите ближе? Киево-Печер-
ский монастырь вы превратили в стойло,
но мы заглянем; помните ли? ой ли?
я, видишь, сед, а ты, приятель, сер..

А вот Париж и пьяница Бодлер,
а вот Стамбул и пепел Византии,
вот занавес железный над Россией,
вот Бог один – и миллионы вер..

За мной придут, но нечего отнять,
всё отнято рожденьем и судьбою,
я ничего не видел, Бог со мною.

.....

рогожа утра. сумрачный портрет
почти эль греко только не эль греко
опять она ей снова двадцать лет
теперь конец уже другого века

теперь она уже не хороша
как век назад в изысканном салоне
ее душа безумная душа
живет и плачет в сумеречном доме

здесь даже Бог не нарушал покой
глаза светлы глаза любимы ею
она могла бы тонкою рукой
ласкать его мальчишескую шею

рогожин умер. сумеречен дом
где так жестоко настя целовала
и бьется ветер тоненьким кнутом
в оконный мир закрытый одеялом

ПЛАЧ

На кого ты меня оставил
На кого ты меня покинул?
На дороги в вороньих стаях
На курганов крутые спины

На обочины бездорожья,
где смешались кровь и пепел
На бездонные дланни Божьи
На его горячие степи

На густые кресты да камни
На болот глухие могилы..
А воротишься - "ты нужна мне",
я уже не поверю, милый

я уже не сумею первой
приходить к тебе на рассвете
мой Единый, я только вера
Мой бессонный, я только ветер.

• • •

Вы мне астры подарили
как галантный ухажер
в европейском это стиле
или просто хорошо?

на ночующем вокзале
есть заветная черта
Вы меня поцеловали
в уголок сухого рта

целовали, провожая
в продолжающийся путь
чтоб с вокзала на трамвае
а потом уж как-нибудь

• • • • •

• • • •

Все зримое запятнано следами:
Не смыть росой, не вытравить слезами
Следы страстей или красы следы.
Есть нечто, не разгаданное нами
В названьях трав и в имени звезды —
Глухими тропами, полночными садами
Ушла любовь, но все лучится след,
Как свет звезды, которой больше нет.

Есть зрение и много точек зренья:
Вот сад, объятый заревом цветенья,
Нежна его зачаточная сень,
Плоды земные в фазе сотворенья,
Но ты глядишь — тебе известен день
Предсказанного яблоку паденья
И в лепестках тебе дано узреть
Вину плодов, которым не созреть.

Гляди еще: и издали, и близ:
Великолепен осадени стриптиз!
За медленное пламя раздеванья
Под стук дождя ей обеспечен приз,
Но страсть ее — апофеоз страданья,
Свой номер ей не повторить на бис:
Холодную и долгую постель
Под занавес готовит ей метель.

Пусть сущее изменчиво и тленно,
И, с точки зрення вечности, мгновенно,
И непривычно сменою личин,
Божественна, сильна и несомненна
Одна любовь средь мнимых величин,
Пока в глазах звездой запечатленной
И в темном сердце каменных святынь
Жива мольба: спаси и не покинь.

ОЖИДАНИЕ

Мне кажется, что я почти мертва
И с каждою минутой догораю:
затеяна нелепая игра –
Ее я, несомненно, проиграю!

Душа моя, как опустелый дом,
Покинутый хозяевами наспех,
Оплаканный ветрами и дождем,
Всем бурям и страстям открытый настежь!

Пирует в моем доме пустота,
И с нею разделяют новоселье
Бездумная цветная суeta
И горечь однодневного веселья.

Ликует и злорадствует молва,
В сто крат преувеличив расстоянье...
Мне страшно, потому что я жива,
Мне страшно умереть без покаянья!

Я каюсь, что нечаянно права,
Я отрекусь ценою исцеленья:
Признаю, что нечестная игра –
Безумная игра воображенья.

Олег Рогов

ИЗ ДЕТСКОЙ ТЕТРАДИ

Ю.Проскурякову

Долго изучал я в толстой книге список сокращений,
все эти бесконечные собр.соч., лп, гихл, бк, -
а как может горстью букв сказать себе гений,
что в изумрудной траве серебрится река?

То ли роща киноварной вязи взгляд двигает вправо,
то ли смотришь на воздух перед иероглифом жэнъ
и темнеет. Уже репетируют переправу -
хорда или дуга, пропасть или ступень -

и что берега? Один в справочнике для туристов подробно
расписан,
другой ты сам. И остается лишь ветер встречный,
лишь фокус дороги воздушной, неверный список
аббревиатур, где порядок букв перепутан навечно.

.....

Легки прибрежные холмы,
они взлетят и розовеют,
когда ладонь протянет берег
вослед растаявшей кормы.

Резвится ветер дальних странствий,
бренчит волнами мутный понт.
Корабль минует горизонт
и заползает в подпространство.

В нейтральных водах тишь да гладь,
найдешь бутылку, в ней записка:
"Се, при дверях. Уж время близко.
До встречи". Подпись и печать.

Куда ж нам плыть? не все ль равно, -
равно прекрасны эти воды,

и смерти рухнувшие своды,
и жизни терпкое вино.

МАЛЕНЬКАЯ ЭЛЕГИЯ

Иосифу Бродскому

Почетнее сорваться, чем стерпеть,
честнее кончить сумасшедшим домом,
отдав долги и близким, и знакомым,
на пароход последний не успеть.

— и как им это все не надоест, —
сказали Вы и попрощались взглядом
с прекрасным равнодушным Ленинградом
и воздухом блаженных этих мест.

Вам снятся петербургские мосты,
Ахматова и сосны в Комарово,
Рождественская ночь глядит сурово
и говорит, переходя на "ты":

"Изгнание страшнее, чем тюрьма,
но в оный год от Рождества Христова,
простится все невинным и виновным,
и примет всех послушная зима.

Воротишься на родину, так что ж, —
глядя вокруг, кому еще ты нужен."
Спит Ленинград, печален и простужен,
и бьются в венах снег и кровь и дрожь.

СТИХИ БЕЗ НАЗВАНИЯ

Солнце Господа нашего смотрит на облачный мел —
как троих заключенных сейчас поведут на расстрел
по песчаным дорогам, по желтым дорогам беды,
и удущливый ветер, играя, смешает следы.

С ними трое конвойных, и рядом идет капитан,
он команду подаст, он с утра же, кажется пьян.

Но с такой высоты не увидишь ни лиц, ни погон,
а идет многоножка, пыля раскаленным песком,

и с такой высоты невозможno уже разобрать,
кто в кого через час будет, корчась от боли, стрелять.
Можно так, можно этак, ведь честно сработан подряд,
если тот, кто стрелял, и себе приготовил заряд.
Возвращаются трое, и сбоку идет капитан,
и ему все равно, он с утра уже здорово пьян.
Ну а те, что остались, как падаль, валяться в песке,
уплывают куда-то по чистой прозрачной реке,
и над ними летят, как во сне непонятном, года,
и великую жажду навеки утешит вода.

.....

Ветвится мысль, как сложный коридор
в таинственной вселенской коммуналке
и выбегают на родной простор,
сначала к лесопилке, после к свалке.

Там хорошо. Там тихо и тепло.
В кругу друзей за чашкою кефира
ты смотришь сквозь рифленок стекло
на вязкий силуэт сквозного мира.

Там тоже хорошо. Мы говорим
о преимуществах космического зрения
над плоскостным, о силе силы треня
и обо всем, чем мы не дорожим.

Я тоже там сидел и говорил,
но избегал напрасных аналогий.
Увы, финал просвечивал в прологе
и Младший Брат нам это подтвердил.

.....

.....

Мне тихо среди близких и смешных,
на пустоши, где плоско и тепло
снег на земле и земляничен жмых
грядущего, которое прошло.

Разгляджу полотно и огляжу
потемок отопревшие углы,
как щеку подпирают — залужу
кануны бед, которые прошли.

Обещано и нужно — не дано,
доказывая крепость добела,
я набело на ржавчине печной
рисую кровь, которая ушла.

Пустая кратность снегу и число
тепла и смеха, близости и троп
маячит у жилья, где все прошло
и за ночь вырос у крыльца сугроб.

ГОЛОЛЕД. КАПРИЧЧО В КИТАЙСКОМ ДУХЕ

Стальной отечной синевы
экранная прямая ясность —
истошным льдом покрыто мясо
саратовской земли-халвы.

Стекляшки, камешки, мазня
следов людских, собачьих, птичьих —
ночное все и так не личит
к парадке ледяного дня.

Сам на прилавочной мели
янтарной мухой пузыришься,
ползешь по звонкой скользкой крыше
школьярских чертежей земли.

... Расхожих формул скрип и стук
был бел под ангеловым пальцем
ученика, и потом пахло
потом от вымеченных рук.

Решенья призрачных задач
давно и прочно мной забыты,
но потным мелом все пропитан
души и воздуха калач...

Естественный кубизм земли
любовною хурмою вяжет,
но лба дебила вышел гляже
каток беспочвенных улик.

Вступив в закрученность зимы,
на плоскую бездонность драмы,
мы осторожны, ловки, здравы —
лед проявил, какие мы.

.....

.....

О.Р.

Датый дервиш, бездарный улисс —

В ноздреватой толпе, в промежутках
ночных балаганов вдруг сама по себе умирает усталая
лень. И, тяжелые руки зажаты в пустые карманы,
ты шагаешь по лужам, идешь по весне, Лаганель. Оста-
новлен побег, и захлопнуты толстые книги, ты раскутал
свой плащ и гуляешь на том берегу, никого не стесняясь,
слагаешь частушки и гимны. Ты посеял ключи. Твой тенис-
тый раскидистый ум позабыл суetu. Насовсем. На три дня.
Бесполезно. На смешки и улыбки смени разгороженный рай-
деревянным стежком аккуратно пришитые рельсы никуда не
бегут, они ждут у вокзалов тебя

— покидай города и на зеркало тайно молись.

.....

Мы гуляем в лесах, отшумевших давно,
где ни шагу шагнуть, чтобы не заблудиться.
И вдоль чистого неба залег горизонт.
И стоит высоко запоздалая птица.

Тишина возле рта свою пряжу прядет,
объясняя заблудшим дорогу до стада.
День исполнен до дна. Кто-то завтра придет
разбудить тишину запоздалого сада.

ЖАРА

Мысль! — вот поэзия, которой
нет выше, даже не ищи —
так говорил Анаксагору
Платон в полуденной тиши.

Волна облизывала берег,

звенело небо, солнце — жгло.
Платон зевал и взглядом мерил
мир, непомерный и чужой,

где солнце, выжженное морем,
дорога, каменный забор,
немного тени от забора,
в которой спит Анаксагор...

• • • • •

Т Р А В Л Я

Памяти В.А.Ярыгина

Я мозги все никак не вправлю:
мне мерещится всюду травля,
окружают, осоку минут...
Ну вот-вот загрызут.

Будто тощая чья-то зависть
настигает меня борзая,
ребра вогнуты, морда - клин,
а кругом ни души - один.

И в руках ни ружья, ни плети,
а за нею дворняги-сплетни,
домострой, конуры уют...
Ну вот-вот загрызут.

Я погибну в неравной схватке,
мне душа обжигает пятки,
я бегу из последних сил...
Сжался, господи, пронеси.

Помоги, милосердный боже,
пронеси эти сучьи рожи,
не сочти за великий труд -
ведь не то загрызут.

Как волются клыками в глотку,
не спасет ни ружье, ни плетка,
ни мольба, ни отборный мат -
только перышки полетят.

Только ткнется в лицо осока,
и погибну я так жестоко,

проклиная неправый суд...
Ну вот-вот загрызут.

Сердце в ребра стучит отчаясь,
задыхаюсь я и кончаюсь,
и куда-то
лечу

во мглу...

Просыпаюсь..... на полу.

За палатой кричат вороны,
бог распятый глядит с иконы,
и лампадка горит под ней.
Утро вечера мудреней.
